

«ЛИТМУЗЕЙ»

От редакции: в 2019 году мыслящий мир отмечает 220-летие со дня рождения великого поэта, классика русской и мировой литературы Александра Сергеевича Пушкина. В каждом из номеров нынешнего года «Южное Сияние» будет публиковать материалы, посвящённые Гению.

ВЕРА ЗУБАРЕВА

«ПИКОВАЯ ДАМА»: ЛОВКОСТЬ РУК И НИКАКОЙ МИСТИКИ*

«Пиковую даму» обычно трактуют как повесть, написанную в жанре мистики. Это, однако, не соответствует литературной ситуации 1830-х гг., когда готический жанр уже не воспринимался всерьёз. В том была немалая заслуга Антония Погорельского, выпустившего в 1828 г. книгу «Двойник», в которой он не только приводит готические сюжеты от лица своего писателя, но и даёт им реалистическую трактовку от лица Двойника писателя. Каждая трактовка ставит под вопрос реальность описываемых мистических событий, и приводится ряд доказательств по их развенчанию. Один из рассказов, публиковавшийся ещё до выхода в свет этой книги, восхитил Пушкина, и с открытием «Литературной газеты» Погорельский становится её почётным автором. Так что Пушкин вряд ли принял бы за жанр, к которому изначально относился скептически и выступал в прессе с ироническими замечаниями по этому поводу.

Имя Погорельского упоминается Пушкиным в «Гробовщике». И не случайно. Пушкин как бы намекает на то, что «Гробовщик» должен быть проанализирован с позиций метода Погорельского, базирующегося на усиленном внимании к психологии героя, а не на вмешательстве запредельных сил. Четыре года спустя выходит «Пиковая дама», внешне походящая на готическую повесть.

Первый вопрос, возникающий в этой связи: как мог Томский в кругу картёжников поведать то, что потенциально ставило под угрозу его бабушку? Неужели он и впрямь не понимал природу страстей, владеющих игроками? Верится с трудом. Возможно, Томский хотел пошутить. Но это всё равно что пошутить в кругу искателей кладов о том, что в сейфе у кого-то из родных хранится карта острова сокровищ. В противном случае у Томского была скрытая цель, и рассказ должен был раззадорить игроков. Попытаемся в этом разобраться.

Сообщение о женитьбе Томского становится завершающим аккордом в повести. И это настораживает, поскольку происходит смещение фокуса с ведущей пары «Германн и Лиза» на Томского и Полину. Куда естественнее было бы поставить точку на судьбе Лизы и Германна. Пушкин же решает по-другому. Почему? Может быть, история вовсе не о Германне, а о том, как Томский пытался раздобыть денег? Похоже, азартного, но не играющего пока Германна хотели «раскрутить», учитывая, что он является обладателем «маленького капитала», доставшегося ему от отца, притом капитала нетронутого, включая и проценты, которых «Германн не касался». О какой сумме может идти речь? Судя по тому, что Германн сразу поставил на карту у Чекалинского, она составляет не менее 47 тысяч рублей. Он удваивает эту сумму во второй день.

Недавно, читая историю династии купцов Прохоровых, я наткнулась на рассказ о том, что «когда сыновья выросли, то с общего согласия 20 апреля 1824 года Екатерина Прохорова произвела “полюбовный” раздел и выделила им неравные доли из семейного капитала – от 47 тысяч до 91 тысячи рублей». Стало быть, 47 тысяч, которыми обладал Германн, были немалой суммой.

Пушкин был в гуще не только литературного, но и картёжного мира, которые пересекались в часы досуга. Он знал эту кухню изнутри со всеми её нюансами, и они не могли не отразиться в повести.

В статье Евгения Выпенкова, опубликованной в «Фонтанке» – Петербургской интернет-газете – приводится интервью с крупнейшим ленинградским шулером по кличке Бегемот, который утверждает, что Германн в «Пиковой даме» «погорел на скрупулёзно отработанном шулерском приёме, именовавшемся в Ленинграде “качалка”» [Выпенков]. Бегемот свидетельствует:

Постановка Пушкина нами исполнялась. Научился ей в Харькове в конце 50-х, когда там гастролировал столичный шулер эпического дарования Боря Альперович. Так что парни нашей масти «Пиковую даму» никогда до дыр не зачитывали. Дело в повести начинается в покаях Нарумова. То есть на дворянском катране. Туда постоянно заглядывает немец Германн. Он никогда не играет, но «смотрит до пяти часов», а не ведётся. В то же время признаётся, что игра занимает его сильно. Таких называли дармовыми, то есть наивными. А так как Германн жил на жалованье военного инженера, то и «безвоздушными», то есть безденежными. Германн щеголял бережливостью. Так что игровые вначале подсуетились и прознали, что за душой у него имеется в наследство имение (здесь неточность. – В.З.). С этого момента и начинается классическое исполнение старинной разводки, где кульминацией является технический трюк – «качалка». Томский, как бы случайно, начинает рассказ о своей бабушке. Сперва Германн сомневается. Тогда хозяин заведения Нарумов, который не может быть не в курсе всех лукавых делишек на своей территории, а именно с них он фактически и живёт, подталкивает в беседе Томского, и тот всё же добивает, что бабуля секрет редко, но раскрывает [Выпенков].

Итак, расклад видится следующим. Инициатором разговора является Нарумов. Повесть начинается с его подначивания Сурина, проигравшегося «по обыкновению»:

- Что ты сделал, Сурин? – спросил хозяин.
- Проиграл, по обыкновению. Надобно признаться, что я несчастлив: играю мирандодем, никогда не горячусь, ничем меня с толку не собьёшь, а всё проигрываюсь!
- И ты ни разу не соблазнился? ни разу не поставил на руте?.. Твёрдость твоя для меня удивительна.

Тут же к нему подключается один из гостей, переводя как бы невзначай разговор на Германна: «А каков Германн! – сказал один из гостей, указывая на молодого инженера». И с этого момента всё внимание переходит на инженера. Всё это в соответствии со схемой «разводки», в которой участвуют, как правило, несколько человек.

Рассказ о трёх картах сыграл роковую роль в жизни Германна, закончившего в «17-м номере» Обуховской больницы. Появление призрака – ключевой момент в повести, позволяющий трактовать «Пиковую даму» как разновидность готического жанра. Правда, насчёт призрака нельзя быть в полной уверенности. «Вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов», – пишет Достоевский в письме к Ю. Абаза 15 июня 1880 года [Достоевский 1988: 192]. То, что Германн в этот день напился «против обыкновения своего» и «крепко уснул», «не раздеваясь», даёт основания литературоведам говорить о том, что «всё это только показалось Германну» [Виноградов 1941: 597]. Однако из текста это не явствует. Во-первых, Пушкин уточняет, что Германн уснул «крепким сном», то есть сном, который дал ему возможность проспаться. Крепкий сон – это «наступающее через определённые промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором почти полностью прекращается работа сознания, снижается реакция на внешние раздражения» [Энциклопедический словарь, 2009]. Пушкин всячески подчёркивает, что в момент пробуждения Германн не был пьян и действовал как протрезвевший человек. Он смотрит на часы, чтобы понять, который час. Он чётко видит циферблат и отмечает, что уже «без четверти три». К этому времени «сон у него прошёл», и он садится на кровать, думая о похоронах старой графини. Более того, он боковым зрением замечает, что делается за окном. В конце он записывает своё видение, что свидетельствует о состоянии, позволяющем связно излагать мысли на бумаге. Ни в одной сцене Пушкин не давал такой определённости в описании состояния своего героя, настойчиво показывая, что тот не грезит.

Германн подмечает все детали, которые не путаются и не размываются, как это происходит в уме человека неспросавшегося. Он увидел, как «кто-то с улицы взглянул к нему в окошко, – и тотчас отошёл», а «через минуту услышал что отпирали дверь в передней комнате». Здесь хочется обратить внимание на глагол «отпирать», употреблённый во множественном числе, словно отпирающих было несколько. Множественное число настраивает именно на посетителей, а не на посетителя. Впечатление, что «визитёров» было несколько. Во-первых, в комнату вошла старуха, а посмотревший при прощании в окно старухой не был. В противном случае Пушкин написал бы во второй раз, что, уходя, «старуха посмотрела в окно». Ведь после посещения графини Германн уж точно бы узнал её в окне. Во-вторых, пока отпирали дверь, Германн «думал, что денщик его, пьяный по своему обыкновению, возвращался с ночной прогулки». Это означает, что (1) дверь отперли не сразу, с ней немного повозились в темноте, как может возиться незнакомец или не совсем трезвый человек, и (2) старуха (и тем более призрак) не могла по-мужски возиться с замком. Женская рука озвучила бы это по-другому (а призрачная – и вовсе иначе). Может быть, помощником был тот, кто заглядывал в окно, а может, к ним присоединился кто-то ещё... Но в любом случае было не меньше двух.

Шаркающая походка заставила изменить предположение Германна о денщике, но, увидев женскую фигуру, он принял её за свою кормилицу. Ему и в голову не пришло, что перед ним призрак. И не мудрено! Он ведь рассудочный человек, а появление незнакомца сопровождалось физическими, а не мистическими признаками. Кроме того, веря, «что мёртвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь», он явился на похороны и «испросил» у неё прощения, лёжа несколько минут на холодном полу. Это должно было быть для него, верящего в правило, залогом того, что графиня оставит его в покое. Интересно, что заговорил призрак с Германном не призрачным, а каким-то странным «твёрдым голосом». Да не мужским ли?

Всё это напоминает инсценировку или, в терминах Бегемота, «классическое исполнение старинной разводки, где кульминацией является технический трюк – “качалка”» [Вышенков]. Карты, названные призраком, имеют мало общего с мистикой. Тройка, семёрка и туз – это очко в блэкджеке, то есть выигрышная комбинация. Звучит как шутка для того, кто это понял. Заключительные сцены у Чекалинского ведут к осуществлению этого шулерского трюка. Нужно сказать, что шулерство в последних сценах отмечается литературоведами. Виноградов утверждает: «Самый выбор пиковой дамы как стержня карточной игры и связанной с ней драмы должен ещё более отстранить подозрение о порошковых картах». [Виноградов 1980: 186]. Но ведь есть же ещё множество других приёмов в шулерском мире!

У Чекалинского разворачивается представление с тремя картами. Судя по всему, этот «славный» мальёк, не разорившийся, как многие, а напротив, наживший состояние на игре, довольно ловок (его фамилия созвучна глаголу «чеканить» и иронически ассоциируется с монетами). Не перестаёшь удивляться, насколько фортуна должна была быть благосклонна к нему, чтобы позволить выиграть (а не проиграть!) такое количество векселей. Иными словами, дом для начинающего Германна вполне подходящий. Всё остальное – дело техники. Куда сложнее было разыграть комбинацию с призраком. Тут и заgrimироваться нужно, хоть всё происходило при свете луны, а не лампы, и одежду подобрать, и походку то шаркающую, то скользящую отретпетировать. Но одежды в гардеробе у графини было предостаточно и грима тоже. Вспомним хотя бы сцену переодевания, когда от графини буквально отклеивали всё то, на чём держался её светский образ: «Откололи с неё чепец, украшенный розами; сняли напудренный парик с её седой и плотно остриженной головы. Булавки дождём сыпались около неё». Добавим к этому наlepные мушки, о которых упоминал в рассказе Томский, румяна «по старинной моде», и картина «собрания» образа графини становится вполне зримой. Добавим, что приём переодевания вообще свойствен пушкинским сюжетам. Он присутствует и в «Барышне-крестьянке», и в «Дубровском», ну и, конечно же, в «Домике в Коломне».

Возвращаясь к финальной сцене с превращением туза в пиковую даму, интересно будет услышать мнение профессионала – всё того же Бегемота. Как свойственно человеку нелитературному, он неточен в воспроизведении деталей пушкинского текста, но своё дело знает досконально. У Пушкина финальная часть начинается с того, что Германн в сопровождении Нарумова проходит «ряд великолепных комнат, наполненных учтивыми официантами». Бегемот поясняет это описание так:

Жертва нацелена на бой, считает, что против неё один противник, а на самом деле вокруг театр, начиная с официанта, заканчивая банкометом. Каждый знает, что и в какой момент исполнить. Каждый вовремя ловит нужный «маяк» – сигнал от товарища. Но самое важное в повести именно то, что Герман сам шельмует. Он же понимает,

что будет играть криво. Карты-то вроде колдовские. Это и есть высший пилотаж, когда шулер выступает в роли тушки-Чекалинского, а Герман в роли мошенника. Первые два раза Герман играет в толпе – вокруг другие игроки. Мы их называем «шпильники» – те, кто тайком играют против новичка. У Пушкина они важны, так как надо было дважды проиграть – таков план. Шпильники тут играли скопом за него. Каждый разывает свою новую колоду. Что будет ставить Герман, все знают. У Чекалинского колода заряжена, ему сделали сменку – быстро сунули заранее заготовленную колоду – в ней все карты сложены в нужном идеальном порядке. Это называется «чос», при котором «тройка», а потом «семёрка» проигрывают. ...Перед самой игрой в шtos дают снять – разрезать колоду. Стопка карт лежит на столе (это только дилетанты с руки снимают), вы снимаете часть листов и кладёте рядом. После чего на вашу часть колоды нужно положить нижнюю. А делается наоборот. То есть, так, как будто вы и не срезали. Этот «вольт» – трюк и называется он – «качалка». Одной рукой, за треть секунды. Проиграть два раза Чекалинскому было важно. Во-первых, жертву затягиваешь по уши, и он поглощён всеми низменными своими возжеланиями, а игра при этом с понтом честная, боевая. Во-вторых, для прочего мира – всё правдиво, никто же не предъявит, что тебе с третьего раза подфартило. А в-третьих, это как реклама удали и риска. Фундамент мифологии. В третьем заезде руки Чекалинского тряслись. Конечно, и у меня бы затряслись. Вроде всё продумано, а на кону убийственный куш. Третий день у Чекалинского «прочие игроки не поставили своих карт», то есть шпильники один на один. Чтобы точно всё было. У автора «это было похоже на поединок». Не похоже это. При таком раскладе, как я комментирую, это чистый отъём. Не колода была у Чекалинского, а петля для Германа. Дальше вы знаете: «Ваша дама бита» [Вышенков].

Вот такой расклад даёт Бегемот, по памяти цитируя классика. Поскольку из нас двоих профессионал он, мне приходится лишь комментировать пушкинский текст. «Что будет ставить Герман, все знают», – говорит Бегемот. Он не говорит, почему все это знают. Так ему диктует его шулерская интуиция, и это имеет смысл, поскольку даже если Германн и не поделился с другом тайной карт, то инсценировка с призракoм уже предполагала знание шулеров того, на какие карты будет ставить бедолага. В последней сцене игры нельзя сказать наверняка, на какую карту поставил Германн в действительности. Известно лишь, что он собирался поставить на туз. Поначалу Германн уверен, что он сделал именно так, но в конце он видит вместо туза даму. Как подобная трансформация могла произойти? Перечитаем эту сцену шаг за шагом: «Каждый распечатал колоду карт». Как подготавливаются колоды в подобных случаях, мы уже осведомлены. «Чекалинский стасовал» – как тасуют шулера, нам тоже известно. «Германн снял» – как «лох» снимает карту, нам пояснили выше – «и поставил свою карту, покрыв её кипой банковых билетов».

Иллюзион начался. И Германн, и читатель полагают, что он поставил на одну карту, а из-под кипы ассигнаций Герман вытаскивает другую. Коли мистика не вмешалась, то что же произошло? Шанс принять картинку с дамой за картинку с тузом, будучи в трезвом уме, близок к нулю. Можно спутать даму с королём или даму с валетом, но спутать даму с тузом практически невозможно – графика этих карт подчеркнута разная. Бегемот, высказывает следующее любопытное предположение: «Дальше вы знаете: «Ваша дама бита». В действительности тогда Чекалинский произнёс: «Ваш туз бит». Но тогда бы Пушкин описал бы картежную историю, каких были с тысячу».

Почему Бегемот убеждён, что «в действительности» Чекалинский должен был произнести: «Ваш туз бит»? Очень просто. Если следовать классической «качалке», то в третий раз «чос» будет направлен на то, чтобы туз проиграл. Однако схема «качалки» частично изменена Пушкиным. С точки зрения гипотезы шулерства речь идёт о дополнительном трюке, позволяющем совершить подмену карты.

Трюк этот старинный, знакомый любому шулеру. Он называется «картохранитель» и состоит в следующем: «Картохранитель – один из шулерских приёмов, представляющий собой приспособление с лишней картой. Суть картохранителя состоит в том, что в определённый момент карта выбрасывается из рукава или втягивается в него при помощи движения коленом» [Деньги...]. Дело несомненно рискованное. Поэтому Чекалинский бледен. Бледность не разыграешь, в отличие от дрожания рук. Но главное – что в случае провала теряешь. Дом Чекалинского известен хорошей репутацией, туда приходят очень богатые клиенты. Любoй скандал повлёт бы за собой конец бизнеса. А скандал бы непременно разразился. Германн – «лох», он взбунтуется, если гарантированная карта не сыграет. Ведь он убеждён, что играет наверняка – он уже дважды это проверил! Единственный вывод, который Германн может сделать в случае проигрыша туза, это то, что его обжульничали. Не забудем и про темперамент Германна, вторгшегося в покои графини и угрожавшего ей пистолетом. Для хозяина игорного заведения это был бы конец. Сразу же потребовали бы проверки, раскрыли «чос», обнаружили бы много чего занятного, и на этом карьере Чекалинского бы закончилась. Выходом в данном конкретном случае было заставить «лоха» поверить в то, что он сам виноват в проигрыше.

Напоследок вернёмся к классику, его собственному опыту общения с картёжниками – шулерами высокого класса и отнюдь не низкого происхождения. Приведу полностью цитату из книги Р. Скрынникова, основанную на документальных фактах биографии Пушкина: «После 1829-1830 гг. Пушкин чрезвычайно сблизился с П.В. Нащокиным, одним из самых известных московских карточных игроков. В полицейском списке картёжников за 1829 г. на первом месте фигурировал граф Ф. Толстой-Американец, на 22 месте – Нащокин, “игрок и буйан”. Описывая быт Нащокина, Александр Сергеевич писал в 1831 г.: “С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно займодавцы”; “...как можно жить, окруженным такою сволочью?”. [...] Играя с подобной публикой, Пушкин постоянно оставался в проигрыше. За карточным столом плутовали не только профессиональные игроки, но и люди из высшего общества. Нащокин описал эпизод, имевший место в 1835 г. Поэт явился к троюродному дяде, князю Н.Н. Оболенскому с просьбой занять денег. Князь денег не дал, но предложил играть пополам. Пушкин принял вызов, рискуя наделать новые долги. Оболенский выиграл много денег. Когда проигравший ушёл, Оболенский стал отсчитывать половину денег племяннику, сказавши: “Каково! Ты не заметил, ведь я играл наверное!” Поэт пришёл в ярость и, бросив деньги, в которых крайне нуждался, пулею вылетел из квартиры» [Скрынников: 8].

Тому же Нащокину (не по аналогии ли с этой фамилией сделана фамилия «Нарумов»? Не только приставка «на», но и ассоциация со щеками – «румянец», «нарумяненный» налицо) Пушкин якобы сам читал свою «Пиковую даму», о чём Нащокин рассказывал П. Бартеневу, пытаясь убедить его в том, что «главная завязка повести не вымышлена» и что внук графини Голицыной «рассказывал Пушкину, что раз он проигрался и пришёл к бабке просить денег. Денег она ему не дала, а сказала три карты, назначенные ей в Париже Сен-Жерменом. “Попробуй”, – сказала бабушка. Внучёк поставил карты и отыгрался» [Рассказы... 46].

Но эту легенду мы уже слышали от Томского... Интересно, сколько после этого рассказа игроков побывало в «17-м номере» Обуховской больницы?

* Печатается в сокращении. Полный вариант – «Пиковая дама»: вист против фараона. // Вопросы литературы, № 3, 2017.

Литература:

Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М.: Гослитиздат, 1941.

Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.

Вышенков Евгений. «Пушкин играл в любую игру» // Фонтанка. Петербургская интернет-газета. 2012. 6 июня. URL: <http://www.fontanka.ru/2012/06/04/149/>

Деньги ваши будут наши // Коммерсант.ru. «Настоящая игра». Приложение № 2. 2007. 27 июня. URL: <http://kommersant.ru/doc/778149>.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 30. Кн. 1. Л.: Наука, 1988.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 тт. Т. 6. Л.: Наука, 1978.

Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851–1860 годах / Вступ. ст. и примеч. М. Цявловского. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1925.

Скрынников Р.Г. Пушкин. Тайна гибели. СПб.: ИД «Нева», 2006.

Сон // Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?game=x&all=x&word=>

ОЛЬГА КУЦЕНКО

БЕСЦЕННЫЙ ДАР МУЗЕЮ А.С. ПУШКИНА

Недавно коллекция Одесского пушкинского музея пополнились бесценным экспонатом. Известный одесский краевед Сергей Калмыков подарил музею журнал «Новости литературы» за 1823 г. (кн. 6, №48), который издавался в Петербурге в 1822-1826 гг. как еженедельное литературное приложение к газете «Русский инвалид». Журнал – книга в кожаном переплёте размером: 205-130-30 мм. Сохранилось 314 страниц.

Издателями журнала были Василий Иванович Козлов (1793-1825) и Александр Федорович Воейков (1778-1839). С 1825 года издателем и редактором стал один Воейков – поэт, критик, журналист, перевод-